

Хотя Вэй Цин ничего не говорил, вскоре Цао Сян всё разузнал. Он лишь холодно усмехнулся: Лю Че остался верен себе — горбатого могила исправит! Стоило ожидать, что этот распутник не сможет удержать свои волчьи лапы при себе. Ну что ж, посмотрим, как ты теперь будешь разгребать последствия!

Цао Сян выпрямился, взял чашку с чаем и грациозно отпил глоток. В его глазах читалось нескрываемое воодушевление. Впервые он был искренне благодарен Лю Че: если бы не твоя помощь, у меня, вероятно, никогда не представилось бы такого шанса.

К вечеру Вэй Цин наконец встретился с Лю Че. Император восседал на своем троне, и Вэй Цин впервые видел, чтобы тот вел себя столь чопорно, когда они были одни. Выражение лица Лю Че было странным, взгляд блуждал, и Вэй Цину на ум пришло лишь одно определение: вор, боящийся разоблачения.

Лю Че смотрел на Вэй Цина, и сожаление вперемешку с тревогой заглушали его попытки казаться невозмутимым. Яростный взгляд Хо Цюйбина ясно напоминал ему: прошлой ночью он обнимал Хо Цюйбина! Не Вансуня! Вансунь уже мертв! Пусть он и очень похож на него, но это не Вансунь!

Слова Ли Яньняня эхом отдавались в ушах императора: Господин Вэй будет в ярости, он непременно разозлится...

Проклятье! Проклятье! Сожаление и страх делали его беспокойным и раздражительным.

Верно! Ли Яньнянь прав: любой на месте Вэй Цина пришел бы в ярость! Стал бы проклинать, драться, использовать любые средства! Это выглядело бы неприглядно, но ведь именно так и ведут себя люди, верно? Если, конечно, им не всё равно! Если им не наплевать!

Вспомнилось, как в тот день он нарочно старался приударить за красавицей Ван, а вернувшись, увидел, что Вэй Цин не только не гневается, но и преспокойно спит!

Сегодня Лю Че одновременно боялся увидеть гнев Вэй Цина и в то же время жаждал его, но почему вместо этого он увидел, как Вэй Цин, склонившись в поклоне с еще большим, чем обычно, смирением, произнес: Хо Цюйбин еще юн и несведущ, совершил поступок в порыве чувств. Прошу, Ваше Величество, проявите милосердие, дайте ему шанс исправиться.

Лю Че не сразу ответил. Лишь спустя мгновение он промолвил: Ты правда считаешь, что вина лежит только на Хо Цюйбине?

Этот тон показался Вэй Цину смешным, но внешне он сохранял спокойствие и ответил: Слуга смотрит в землю и в сердце свое, я не посмел бы солгать ни единым словом.

Ложь! Всё это сплошная ложь! — Лю Че в ярости ударил по столу. — Внешне ты чтишь меня, а

в душе, небось, уже сотню раз проклял, назвав зверем! Больше всего на свете я ненавижу лицемерие!

Очевидно же, что виноват сам Лю Че, так почему Вэй Цин продолжает говорить неправду?

Слуга благодарен за наставление, мне очень стыдно. Впредь я буду строже к себе и более не допущу подобного.

Лю Че пришел в еще большее бешенство: Перестань постоянно искать способ взвалить вину на себя! Всем известно, что ты не такой! — Поняв, что противоречит сам себе, он с досадой добавил: Да, это я первым силой овладел Хо Цюйбином, и если он хотел убить государя, то лишь потому, что я был неправ! Если у тебя есть претензии, так и выскажи их!

Вансунь умер — он никогда не вернется. Теперь рядом с ним Вэй Цин, живой человек. Почему же взгляд этого живого существа кажется таким же мертвым? Ему не нравился этот взгляд, а еще меньше — такое выражение лица. Оно заставляло его чувствовать себя ничтожным и понимать, что этот человек полностью в нем разочаровался.

Раз разочарован, раз зол, так и скажи! Мужчина должен быть прямым: если не прав — признай. Что это за недомолвки, что за неловкое положение?

Лю Че резко вскочил и бросился вперед. Вэй Цин не посмел уклониться и был повален на пол.

Глядя на прижатого к земле Вэй Цина, Лю Че холодно усмехнулся: Я запрещаю тебе называть меня зверем, даже про себя — запрещаю.

Слуга даже не смеет помыслить о таком, — Вэй Цин глубоко вздохнул, стараясь совладать с собой.

В памяти всплыл образ прекрасного юноши, который смеялся, запрокинув голову, — то ли в насмешку, то ли с горечью. Тогда он сказал Лю Че: Потому что ты — император, властелин Поднебесной, Сын Неба, сын дракона, солнце, луна и звезды на небе! Лишь я один поклялся в верности, а ты — нет.

Собравшись с духом, Вэй Цин отчеканил: Ваше Величество ни в чем не виноват. Поднебесная принадлежит императору, и всё в ней — собственность императора.

Лю Че был поражен его тоном и словами, но через силу усмехнулся: Раз так, то я хочу воспользоваться тем, что принадлежит мне. Как думаешь, правильно ли это?

Вэй Цин молчал, позволяя делать с собой что угодно, и лишь в этот момент он по-настоящему понял, почему когда-то Хань Янь решился на тот прыжок...

Господин Хань, господин Хань, неужели я повторяю твою судьбу?

Лю Че замер, нахмурившись. Неужели он и вправду настолько жестокий тиран, что подчиненные боятся даже пикнуть, хотя внутри кипят от гнева? Он хотел, чтобы Вэй Цин был рядом с ним естественным и расслабленным, как с родным человеком.

Лю Че наконец решился. Он наклонился к самому уху Вэй Цина и прошептал едва слышно: Скажи мне, что заставляет тебя так бояться меня?

Ответа не последовало.

На следующий день Вэй Цин нашел Хо Цюйбина, который находился под домашним арестом, и забрал его.

Все это время Вэй Цин был неестественно тих, на его лице не дрогнул ни один мускул, словно за одну ночь он превратился в лед.

Настроение Цао Сяна никогда не было лучше. Оставаясь один, он не мог сдержать желания напевать: Ха-ха, Лю Че, вот тебе и возмездие!

Он стал еще чаще навещать дом Вэй Цина. Сейчас самое важное — выяснить причину смерти госпожи, — говорил он, беря на себя командование и обыскивая все подозрительные места. Служанка, прислуживавшая госпоже Ван, сохранила остатки лекарства, и Цао Сян пригласил известного лекаря для проверки отвара.

Нин Чэн покачал головой и сказал Вэй Цину: Врачу не нужно ядов, чтобы убить. Достаточно нарушить правила сочетания лекарств. Существует принцип: главный препарат — правитель, помогающие — министры, направляющие — посланники. Это основа составления рецептов. Врач составляет их, следуя иерархии: правитель — основной компонент, министр — вспомогательный. Нарушить правила — значит изменить пропорции или состав, нарушить фармакологию, и тогда лекарство станет губительным.

Вэй Цин нахмурился. Нин Чэн в прошлом был алхимиком, приготовление лекарств было его ремеслом, и хотя он опустил и перестал заниматься делом, он все же разбирался в этом лучше профанов.

Вскоре в особняк Вэй Цина прибыл лекарь Гу, который лечил госпожу Жуйюй. Я пришел по высочайшему повелению, чтобы ответить на вопросы великого полководца. О чем бы вы ни спросили, я отвечу честно и ничего не утаю.

Благодарю вас, — Вэй Цин посмотрел на него и на мгновение замолчал. Лекарь Гу был

признан человеком безупречной репутации, а по глазам и манерам можно было многое понять о человеке. Если Лю Че позволил ему прийти, значит, был уверен на девять десятых, что Вэй Цин не найдет изъяна. Он спросил: Вы уже обедали, лекарь Гу?

Лекарь Гу не ожидал такого вопроса, но ответил: Да, уже пообедал.

Хорошо, — ответил Вэй Цин. — У меня больше нет вопросов.

Лекарь Гу растерялся: Неужели у великого полководца больше нет ничего, о чем он хотел бы спросить?

Вэй Цин сохранял спокойствие: Нет, я все спросил. Если у вас есть время, не хотите ли выпить чаю?

А как же мне отвечать перед императором? — заволновался лекарь Гу.

Можете передать Его Величеству, что Вэй Цин очень тронут его заботой и глубоко благодарен за проявленное милосердие.

Едва уловимый вздох достиг ушей лекаря Гу. Сколько лет этому молодому человеку, почему же в последние дни он выглядит даже более изнуренным, чем старик вроде него? Все судачили, что Вэй Цин — любимец императора, но как ни посмотри, он не похож на человека, торгующего красотой. Впрочем, кем бы он ни был, сейчас он просто безутешный вдовец — оставаться здесь бесполезно, лучше уйти. Он нашел предлог и откланялся.

Сделав несколько шагов, старик остановился, обернулся и поклонился: Рецепт для госпожи Жуйюй был выписан мною, лекарство я лично получил в императорской аптеке, а за варкой отвара следил сам. Не ожидал, что все так выйдет... Простите меня, полководец, вините в этом мое неумение лечить.

Вэй Цин замер, его лицо омрачилось, и он тихо произнес: Вы слишком строги к себе, лекарь Гу.

Вэй Цин лично проводил гостя до ворот, и старик, неоднократно поклонившись, сел в повозку и уехал.

Проверка остатков лекарств и самого рецепта ничего не дала. Даже при обычной боли в животе причины могут быть разными — от несварения до простуды или спазмов, и рецепты будут отличаться. Стороннему человеку невозможно найти подвох лишь по списку ингредиентов. Пациентка мертва, и кроме того, кто готовил лекарство, никто не знает истинной картины болезни. Даже если есть подозрения, доказать их невозможно.

Вэй Цин положил руку на гроб и вздохнул, нежно погладив дерево, словно не в силах расстаться. Почему в смерти Жуйюй Лю Че не выказал ни капли сожаления? Когда он

насиленно овладел Хо Цюйбинем, его взгляд блуждал, так почему же он был так спокоен, когда речь шла о Жуйюй? Цао Сян сказал, что убийца тот, кто больше всех радуется смерти Жуйюй, но если из-за этого он поссорится с Лю Че, кто же окажется тем самым радостным победителем?

Спустя долгое время Вэй Цин наконец произнес: Завтра похороны. Пусть Жуйюй обретет покой в земле. Она слишком долго ждала его возвращения, прошла через столько мучений — разве можно заставлять ее ждать еще дольше?

Цао Сян вскричал: Если ее похоронят, правда о несправедливой гибели вашей супруги никогда не выйдет наружу! Вэй Цин повернул голову и бросил на него взгляд, от которого Цао Сян невольно поежился. Вэй Цин отвел взгляд, поднял глаза на крышу погребального зала и, медленно опуская взгляд вниз, устремил его на мемориальную табличку.

— Наверху — небо, внизу — земля, а на три чи выше головы — божества, — произнес он низким, уверенным голосом. Это был уже не вздох отчаяния, а слова человека, принявшего твердое решение.

Он одернул полы одежды, опустился на колени и вымолвил:

— Истине и справедливости должно судить людским сердцам.

Опустив голову, он трижды поклонился мемориальной табличке.

Цао Сян смотрел на его спину, и на сердце у него было то холодно, то горячо, и даже слегка саднило. Что значил тот взгляд, которым Вэй Цин одарил его? Зачем он теперь говорит такие слова? Если бы ты не был Вэй Цин, с какой стати мне было лезть не в свое дело и пытаться докопаться до правды!

В день похорон госпожи Жуйюй Лю Че издалека следовал за процессией в повозке, наблюдая за молчаливой и скорбной спиной Вэй Цина.

Вот уже несколько месяцев между ними царил отчуждение. Они молча встречались, молча смотрели друг на друга, а затем молча расходились. Лю Че осыпал поместье Вэй щедрыми дарами, но вскоре с удивлением обнаружил, что все эти вещи были отправлены в могилу Жуйюй в качестве погребальных даров. Вэй Цин не желал принимать его подарки. Но что еще, кроме них, он мог ему дать?

Он пожаловал его роду все возможные титулы и осыпал всевозможными милостями. Разве он был к нему недостаточно добр? Никто другой никогда не удостоивался подобных почестей. Был ли еще какой-то способ ублажить его? Что могло заставить его снова заговорить с ним по душам? Неужели действительно не осталось никакой надежды все исправить?

— Великий полководец, так дальше продолжаться не может.

Вэй Цин поднял глаза и встретился с лицом Нин Чэна, в глазах которого читалась глубокая

тревога. Он улыбнулся:

— С чего это господин вдруг заговорил об этом?

— Госпожи больше нет, но ведь остаются три молодых господина, императрица, три принцессы, старший сын императора, а также ваши братья, сестры, племянники и племянницы, великий полководец. Всем им нужно жить дальше. Неужели вы и вправду намерены и дальше упорствовать в этом противостоянии с императором?

Нин Чэн говорил и одновременно следил за выражением лица Вэй Цина, но не смог прочесть на нем ничего. Вэй Цин по-прежнему оставался невозмутимым, храня молчание. Он не выражал ни одобрения, ни возражения, лишь тихо слушал.

— Великий полководец, вы так молоды, но владеете десятками тысяч дворов, а трое ваших сыновей пожалованы титулами хоу. Даже учитывая ваши военные заслуги, соответствуют ли вам эти награды? Вы знаете это лучше меня.

Вэй Цин закрыл глаза, и уголки его губ невольно искривились в горькой улыбке.

А Нин Чэн продолжал:

— Хотя императрица Вэй возвысилась благодаря своему сыну, сыновьям тоже нужна опора в лице матери. Сейчас красавица Ван пользуется безраздельной любовью императора, и кто знает, не родит ли она в один прекрасный день сына императора. В свое время некий Чжуфу Янь поспособствовал тому, чтобы госпожа Вэй стала императрицей, а завтра кто-нибудь другой может выдвинуть кого-то еще на роль наследника престола.

Тот самый Чжуфу Янь некогда попал на глаза Лю Че исключительно благодаря рекомендации Вэй Цина.

В возведении Вэй Цзыфу в ранг императрицы была немалая заслуга Чжуфу Яня, и, выражаясь грубо, Чжуфу Яня можно было назвать одним из важнейших сторонников клана Вэй. Однако еще во втором году Юаньшо, когда семья Го из Гуаньче была уничтожена, Лю Че предал Чжуфу Яня казни вместе со всем его родом. Лю Че славился своей безжалостностью к кликам и сторонникам родственников императрицы по женской линии.

— Великий полководец, скажу вам прямо: ни происхождением, ни молодостью императрица Вэй больше не обладает преимуществом. Она уже не так молода, а происхождение ее низменно. К тому же вы испортили отношения с императором. Стоит императору разгневаться — и рухнут небеса и развергнется земля!

С этими словами Нин Чэн опустился на колени и низко поклонился.

Вэй Цин нахмурил брови, чувствуя, как в груди поднимается тяжелая волна, от которой стало невыносимо трудно дышать. Лишь спустя долгое время он произнес:

— ...По мнению господина, как мне поступить?

Услышав, что Вэй Цин заговорил, Нин Чэн выпрямился и сказал:

— Ныне красавица Ван пользуется благосклонностью, но ее родные еще не обрели богатства и влияния. Великий полководец может преподнести тысячу цзиней золота родителям красавицы Ван в день их рождения. Это заслужит ее расположение, убавит императрице Вэй и клану Вэй одного врага и прибавит союзника.

Услышав это, Вэй Цин невольно улыбнулся глазами, но улыбка эта не выражала радости от хорошего совета — казалось, в ней скрывался какой-то иной подтекст. Откуда было знать Нин Чэну, что Вэй Цин вспомнил времена многолетней давности, когда они со старшей сестрой только вошли в милость; вспомнил зычный голос второй сестры, плач младенца и крошечного Цюйбина.

Богатство и знатность, высшие чины среди сановников, горести, радости, гордость, унижения... Все это пронеслось перед глазами, и вот теперь настала очередь других?

Наконец Вэй Цин ответил:

— Хорошо. Пусть будет так, как советует господин.

Весть об этом вскоре дошла до ушей Лю Че. Лю Че нахмурился: с чего это... великий полководец стал так угождать перед совершенно посторонними людьми? Он же, Лю Че, здесь, во дворце Вэйян, сидит и ждет, когда ты придешь и поговоришь с ним. Каким бы ни было твоё желание, он исполнил бы его! Зачем же идти на такие унижения?

Вскоре после этого перед Лю Че предстала императрица Вэй в качестве посланницы принцессы Пинъян. Выслушав цель ее визита, Лю Че глубоко нахмурился.

— Старшая императорская сестра пожелала... нового мужа?

Императрица Вэй продолжила передавать слова принцессы Пинъян. Лю Че сплел пальцы и принялся их теребить:

— Если старшая сестра хочет, чтобы я выступил сватом, я, разумеется, не могу отказать. Только вот избранник, которого заметила старшая сестра, кажется...

Сам он был старше Вэй Цина на шесть лет, а старшая сестра, принцесса Пинъян, была старше его самого на целых десять лет. Если рассуждать так и дальше, то старшая сестра вполне годилась Вэй Цину в матери. С какой стати сестра сделала такой выбор?

Вэй Цзыфу ответила:

— Великая принцесса понимает, что с точки зрения возраста это не самый подходящий союз, и если бы она не приняла твердое решение, то не осмелилась бы обратиться с такой просьбой. На самом деле они с младшим братом в последнее время тайно переписывались и поняли, что

уже давно восхищаются друг другом и питают взаимные чувства, поэтому она и решилась просить государя, отбросив всякий стыд.

Если бы не принцесса Пинъян, не было бы и ее самой, и раз уж принцесса Пинъян о чем-то просит, она, Вэй Цзыфу, конечно же, не могла остаться в стороне.

Лю Че перестал теребить пальцами, немного помолчал и произвел:

— Пусть старшая сестра придет сюда, а я позову Вэй Цина. Когда обе стороны соберутся вместе, мы поговорим об этом со всей серьезностью. Если Вэй Цин кивнет, я буду только рад этому союзу.

Что здесь происходит? Что все это значит? Не прошло и много времени с тех пор, как Жуйюй предали земле, а Вэй Цин, казалось бы, так искренне скорбевший, неужели втайне оказался бесчувственным негодяем? И даже если так, почему объектом его выбора стала постаревшая старшая сестра Пинъян? Если только у него не было какой-то скрытой цели. Но если уж говорить об угодничестве, то правильным объектом для лести должен был стать он сам, император!

К тому же, каким бы влюбчивым ни был Вэй Цин, он не должен был торговать своими чувствами и телом ради выгоды. Какова же истинная правда?

Вэй Цина вызвали во дворец. Лю Че восседал на возвышении, рядом с ним сидела императрица Вэй. Принцесса Пинъян расположилась позади императрицы Вэй. Заметив появление Вэй Цина, она радостно прищурилась и села еще прямее.

Императрица Вэй заговорила, тепло и оживленно излагая Вэй Цину суть дела. Вэй Цин выглядел то ли впервые услышавшим об этом, то ли заранее подготовленным — на его лице едва уловимо проступало подобие почтительного трепета. Переведя взгляд, он заметил, что принцесса Пинъян стыдливо опустила голову; взглянув же на Лю Че, он обнаружил, что император тоже смотрит на него, слегка скривив уголки рта в насмешливой улыбке.

Какое-то время в огромном тронном зале раздавался лишь голос императрицы Вэй.

Когда она умолкла, Лю Че произнес:

— Дорогой министр, великая принцесса к тебе весьма благосклонна. Говорят, вы с императорской сестрой уже давно обмениваетесь посланиями и открыли друг другу сердца — правда ли это?

— ...

Никаких посланий Вэй Цин не помнил. Разве что недавно, когда старшая сестра приходила к нему расспросить об этом, он услышал об этом впервые, но тогда он не подтвердил и не опроверг ее слов. В тот момент он еще удивлялся, с чего это сестра вдруг стала расспрашивать о его чувствах к великой принцессе. Теперь же ему стало совершенно ясно, почему в последнее время принцесса Пинъян смотрела на него столь странным взглядом, а ее улыбка

была столь двусмысленной и пылкой.

Что даст признание, а что — отрицание? Вэй Цин прекрасно понимал: лишь потому, что речь шла о принцессе Пинъян, Лю Че проявлял некоторую сдержанность. Будь на ее месте любая другая женщина, император ни за что не стал бы вот так расспрашивать о его намерениях. Сколько же мужества потребовалось принцессе Пинъян, чтобы высказать столь немыслимую для окружающих просьбу? Должно быть, она и вправду любит его: если бы чувства не достигли предела, у нее бы не хватило смелости поступить так. В обстановке, напоминающей судебное разбирательство перед тремя судьями, если бы он все отверг и отказался, каково пришлось бы ей? Как бы она смотрела в глаза людскому осуждению? Принцесса Пинъян оказала ему великую услугу, и он ни за что не должен позволить ей оказаться в безвыходном положении. Если душа Жуйюй витает на небесах, она поймет его.

И тогда Вэй Цин опустил голову:

— Государь мудр.

Этот ответ, равносильный молчаливому согласию, мгновенно остудил атмосферу в зале. Даже не глядя на лицо Лю Че, императрица Вэй физически ощущала его гнев.

У Лю Че на лбу за пульсировала жилка. В мыслях он уже вскочил и готов был сорваться от бешенства, но в реальности он изо всех сил сдерживал ярость и заговорил смягченным тоном:

— Дорогой министр, я всегда относился к тебе с нежностью и заботой. Стоило появиться какой-то возможности, как я в первую очередь думал о тебе. К счастью, ты сам стремился вперед и не обманул моих надежд. Кто во всем чиновном люде не знает, что именно благодаря твоим... заслугам твоя сестра смогла занять место императрицы столь безмятежно?

Хотя тон Лю Че был довольно мягким, в нем отчетливо слышались угрозы.

— Императорская милость безгранична, подданный запечатлел ее в сердце, — Вэй Цин даже не поднял головы. — И я, и моя сестра были приведены во дворец великой принцессой, и то, что нам посчастливилось обрести милость государя — величайшее благословение, заработанное всем моим родом за несколько поколений.

На словах это звучало как ответ, но на деле являлось лишь пустыми и обтекаемыми фразами, означавшими ровно ничего.

Тогда Лю Че произнес:

— Что же ты думаешь об этом браке, дорогой министр? Нельзя не признать, что вы действительно слишком сильно отличаетесь в возрасте, и боюсь, избежать людских кривотолков не удастся. Вы хорошо все обдумали? Если у тебя есть какие-то сомнения, я ни в коем случае не стану тебя принуждать. Думаю, что ни великая принцесса, ни твоя сестра тоже не станут давить на тебя.

<http://bllate.org/book/21150/2144307>